

В повести Владимира Набокова «Машенька» бежавший от большевиков поэт Подтягин мучительно пытается выбраться из Германии во Францию, но все никак не может получить въездную визу. «Вы вообще не можете себе и представить, — говорит он с тоской, — сколько человеку нужно перестрадать, чтобы получить право на выезд отсюда». И мечтательно добавля-

ет, мол, «наши внуки никак не поймут вот этой чепухи с визами». Внуки той первой эмиграции уже в наши дни действительно получили возможность передвигаться по Европе без границ. Даже те их сверстники, что выросли при советской власти, могут,

въехав, к примеру, в Германию, отправиться отсюда по всем шенгенским странам без всяких бюрократических препон.

Кровавый опыт двух мировых войн, кошмарные воспоминания о нацизме и фашизме, а также постоянный страх перед коммунистической угрозой способствовали сплочению Западной Европы и выработке общих гуманитарных ценностей. В этой части мира глубоко укоренилось представление о недопустимости войны и национализма; восторжествовали принципы терпимости, демократии и верховенства закона; сформировались социальные государства и, в целом, сложилась удобная и безбедная жизнь для граждан.

Оставшиеся недемократические режимы Европы постепенно рушились. В Испании, Португалии, Греции диктатуры уступили место демократиям. С крахом коммунистической системы пространство европейских правил и ценностей стало распространяться также и на восток: страны, некогда насильственно превращенные в сателлитов СССР, жаждали поскорее присоединиться к Европе. К 1990-м годам строительство единой, большой Европы, которая теперь именовала себя Европейским союзом, привело к замечательным результатам. Число стран ЕС достигло 27, а население — полумиллиарда чело-

век. Двадцать пять государств, вошедших в состав Шенгенской зоны, отменили контроль на своих границах. Семнадцать ввели у себя единую европейскую валюту. «Никогда Европа не была такой единой, как сейчас, — написал британский историк и публицист Тимоти Гартон Эш. — Никогда люди здесь не пользовались такими широкими свободами. Никогда прежде Европа не состояла в большинстве своем из демократических режимов, которые на равных основаниях входят в состав единого экономического, политического сообщества с единой системой безопасности».

Но эта констатация понадобилась Тимоти Гартон Эшу только для того, чтобы объявить, что весь этот прекрасный мир находится под угрозой. Речь, разумеется, не только о кризисе еврозоны и о мучительных попытках справиться с проблемой Греции, которую оказалось невозможно ни заставить жить по предписанным правилам, ни взять на бессрочное содержание, ни исключить из зоны евро.

Процесс расширения ЕС нередко напоминал сдачу дома с недоделками: на неполное соответствие новых членов европейским нормам в Евросоюзе смотрели сквозь пальцы. Расчет был на то, что все как-нибудь наладится потом, когда страна уже окажется в правовом и политическом пространстве Европы. Но на деле, заполучив вожаемое членство и соответствующие привилегии, страны нередко утрачивали стимул «тянуться» за «образцовой» Европой. Евросоюз захлебывался, не в силах переварить разнообразие «новоприбывших», их политических культур и деловых практик. В 2000-е годы закончилась провалом попытка принять единую европейскую конституцию. Голос евроскептиков звучал все громче, порой перекрывая голос евроэнтузиастов.

Введение единой валюты многие считали ошибкой еще в 1990-е — резкое финансовое сближение шло впереди политического, вызывая обоснованную тревогу, что это несоответствие нанесет удар по европейскому единству.

Финансовый кризис конца 2000-х породил глубокие экономические проблемы во многих

странах Европы, отчего их граждане все чаще смотрели на менее успешных собратьев по ЕС как на нахлебников. И если правительства не могли позволить себе отказаться от европейской общности, то граждане заявляли о том, что не желают жертвовать собственным благополучием во имя призрачной европейской солидарности. Под давлением экономических трудностей разрушался гуманистический принцип толерантности: практически во всех европейских странах наплыв мигрантов вызывал растущее раздражение местных граждан.

Общественные настроения такого рода повлияли на распространение еще раньше — в целом ряде стран, таких как Франция, Нидерланды, Швеция, а в недавнее время и Финляндия, возникли и окрепли партии правого толка, выступающие за то, чтобы оградить свою нацию от засилья «чужих». Риторика правых апеллирует к ценностям национального суверенитета и провозглашает отказ от членства в Евросоюзе. К примеру, Марин Ле Пен, глава французского Национального фронта, назвала ЕС «смирительной рубашкой», которая «душит» Францию. «Хватит себя обманывать, — говорит Ле Пен, — я требую... чтобы у нас была своя валюта, своя земля, чтобы мои сограждане могли сами принимать законы».

Уже не только оппозиция, но и политики истеблишмента готовы отказаться от провозглашенных ранее ценностей. В феврале 2011 года лидеры трех ведущих европейских стран — Великобритании, Франции и Германии — заявили, что политика мультикультурализма провалилась.

Наконец, прямо на наших глазах рушится идея Европы без границ.

Ссылаясь на особые обстоятельства, страны раз за разом норовят вновь возвести пограничные кордоны — например, чтобы отгородиться

от Италии, куда с началом «арабской весны» хлынул поток беженцев из Северной Африки.

В апреле 2012-го министр иностранных дел Германии заявил, что, несмотря на важность принципа открытых границ, нельзя оставлять без внимания вопросы безопасности, и предложил — при поддержке своего французского коллеги — вернуть пограничный контроль между странами Шенгенской зоны.

Дело идет к тому, что правнуки набоковского эмигранта Подтягина уже не смогут понять, как могла существовать безвизовая Европа. Да и европейское единство покажется им вымыслом, мифическим «золотым веком».

Авторы нынешнего номера *Pro et Contra* пишут о европейском кризисе и вариантах преобразования Европы. **Иван Крастев** видит истинную причину кризиса в отсутствии «прочного социального фундамента под политическим и экономическим зданием, которое пытались построить европейские элиты». **Марк Леонард** полагает, что спасение Европы — в выработке «институциональных механизмов двухскоростного развития». **Ян Техау** настаивает, что Европа должна «повысить свой вклад в отношения с США». **Алексей Миллер** констатирует разрушение европейского консенсуса о прошлом. В материале **Александра Кустарёва** рассматривается гипотетическая возможность перерождения Европы в «государство имперского типа». **Фёдор Лукьянов** предлагает читателю картину совсем другой Европы, в которой для России могут открыться новые возможности. За пределами главной темы мы публикуем статью **Лукана Уэя** о том, почему стабильные автократии часто оказываются уязвимыми; **Владимир Гельман** анализирует перспективы трансформации электорального авторитаризма в России, а **Ясмин Эль-Рашиди** пишет о развитии ситуации в Египте после «арабской весны».

Мария Липман, главный редактор